

Пришедшим оказался именно тот человек, которого Вэнь Жэньсин в мыслях помянул уже восемьсот раз — Цзян Есюэ.

— Так это ты и есть девушка Асюэ? — вырвался у Юэ Цижань вопрос, в который она сама не могла поверить. Неужели этот дряхлый старик и есть та самая юная красавица?

— Кхм, — Цзян Есюэ, очевидно, тоже поперхнулся от такого вопроса. — Девушка, я что, похож?

— Не похож, но... — Юэ Цижань хотела было оправдаться, но её перебили.

— Раз не похож, значит, так тому и быть, — отрезал Цзян Есюэ.

После этого он перестал обращать внимание на девушку, которая продолжала с любопытством его разглядывать, и направил своё кресло-каталку к человеку, который уже был на грани потери рассудка. Юэ Цижань, следившая за каждым его движением, поспешила преградить ему путь.

— Что ты задумал?

Не зная, друг он или враг, она не решалась позволить ему приблизиться к Мужун Чуи.

Цзян Есюэ слегка усмехнулся, едва заметно шевельнул рукой, и поток духовной энергии сковал Юэ Цижань. Не обращая ни малейшего внимания на окружавшую Мужун Чуи яростную силу, он двинулся прямо к нему.

— Мы лишь случайно встретились, я просто проявил милосердие, чтобы спасти человека. Девушка, вы слишком много думаете, — ответил он.

Запертая в барьере Юэ Цижань ничего не могла поделать и лишь молча наблюдала за ним.

— Если ты посмеешь тронуть хоть волосок на его голове, я убью тебя! — пригрозила она.

Неизвестно, услышал ли её Цзян Есюэ, но он не удостоил её ответом.

То ли его собственная сила была настолько велика, что бушующий поток энергии не мог причинить ему ни малейшего вреда, то ли была иная причина, но Цзян Есюэ без труда оказался перед Мужун Чуи. С бесстрастным лицом он протянул руку, сжал подбородок Мужун Чуи и влил ему в рот алую жидкость, заранее приготовленную во второй руке.

Если бы Юэ Цижань присмотрелась внимательнее, она бы заметила белоснежную повязку на

шее Цзян Есюэ. Эта алая жидкость была его собственной кровью.

— Ссс! — Боль в запястье заставила Цзян Есюэ прерваться. Он холодно посмотрел на Мужун Чуи, который находился в полузабытьи.

— Господин Мужун решил ответить злом на добро или же брезгует моей кровью, боясь запачкать своё чистое тело? — с усмешкой спросил он.

Это был не вопрос, а утверждение. Он предвидел такой исход ещё до того, как решил показаться. И всё же он слишком упростил ситуацию, слишком наивно полагал, что значит хоть что-то для этого человека.

Мужун Чуи не только не отпустил его руку, но сжал её ещё крепче.

— Год назад разыгрывал драму в Линьане, а теперь, когда всё утихло, прибежал в город Пяти Ночей практиковать запретные искусства? Цзян Есюэ, ты уже не человек, так к чему эти глупые мечты?

Его слова эхом отдавались в ушах. На бесстрастном лице Цзян Есюэ появилась улыбка, но глаза оставались холоднее льда.

Бам! Флакон с остатками крови выскользнул из рук, и в воздухе разлился густой запах железа.

Сколько же крови он потерял, сделав такой глубокий порез, ведь он так невыносимо боится боли? Как он мог без тени сомнения помогать тому, кто дважды пытался его убить, и как теперь без жалости выплеснул кровь, которая стоила ему почти половины жизни?

— Ха-ха-ха, господин Мужун правду сказал. Я действительно никчемный ублюдок, иначе с чего бы мне быть таким жалким?

Бросив эту холодную насмешку, он с силой вырвал свою руку из его хватки.

— Асюэ, — развернув кресло, позвал он.

Девушка Асюэ, сражавшаяся с призраком в красном, услышав призыв, высвободила мощный поток энергии, и ледяной клинок пронзил тело противника.

Призрак в красном с недоверием посмотрел на расширяющуюся рану, в последний раз взглянул на бесстрастную Асюэ и развеялся прахом.

Асюэ убрала меч и встала перед Цзян Есюэ в ожидании приказов.

— Дело сделано, уходим. И не забудь того наглого мальчишку, — Цзян Есюэ бросил взгляд на Вэнь Жэньсина, который снова принял облик ребёнка, и направился прочь.

Асюэ повиновалась, подхватила бесчувственного Вэнь Жэньсина и быстро последовала за ним.

Мужун Чуи молча смотрел им вслед, не пытаясь помешать. В его нынешнем состоянии было трудно даже просто удержаться на ногах, не говоря уже о том, чтобы остановить их.

— Ии, ты знаком с этой девушкой по имени Асюэ?

Когда Цзян Есюэ ушёл, барьер, сковывавший Юэ Цижань, исчез. Она поспешила к Мужун Чуи и, убедившись, что он в порядке, выдохнула с облегчением. Судя по их разговору, они явно были знакомы.

Но Мужун Чуи, почти не колеблясь, ответил:

— Я его не знаю.

Заметив странность в его поведении, Юэ Цижань не решилась больше докучать ему расспросами, хотя сомнения так и терзали её.

На следующий день.

— Ничему не научился, а уже лезешь управлять Асюэ! Ты решил, что слишком долго живёшь?
— Цзян Есюэ в гневе сверлил взглядом ребёнка перед собой.

Маленький Вэнь Жэньсин опустил голову и сердито оправдывался:

— Это всё ты, брат Ханьи, не держишь слово! Мы же договорились, что как только мы с сестрой Асюэ выманим Мэн Юцин, ты придёшь и обезвредишь её. А тебя всё не было и не было! Тот парень в белом оказался при смерти, пытаюсь спасти меня, я что, должен был просто смотреть?

Мэн Юцин — так звали призрака в красном.

— Ты думаешь, того человека так легко убить? Если бы вчера не был особый день, даже десяти Мэн Юцин не хватило бы, чтобы с ним потягаться.

Цзян Есюэ всё ещё кипел от ярости, казалось, его сейчас раздражало абсолютно всё.

— Убирайся, убирайся, убирайся! Занимайся своими делами и не мешай мне.

Но от этих слов ребёнок горько заплакал:

— Опять ты за своё! Вечно ты так от меня отмахиваешься. Сколько мне лет? Я только начал учить это заклинание, думаешь, мне легко? У меня нет такой силы, как у тебя, чего ты ещё от меня хочешь?

Мальчик развернулся и выбежал вон, роняя крупные слёзы.

Гнев на лице Цзян Есюэ сменился спокойствием, он молча смотрел вслед удаляющемуся ребёнку.

— Сяо Сюэ, неужели тебе его не жаль? — в воздухе возник полупрозрачный миниатюрный старик и завис рядом с ним.

Цзян Есюэ отвел взгляд, выудил из мешочка Цянькунь первую попавшуюся книгу и, листая её, ответил:

— Через пару дней вернётся, что случилось?

Старик редко появлялся без причины, а уж если пришёл, значит, что-то стряслось.

Старик хихикнул с видом знатока:

— Сяо Сюэ всегда так проницателен! Не буду ходить вокруг да около: дело серьёзное. И хотя я знаю, что тебе это не понравится, я всё же надеюсь, что ты согласишься.

Цзян Есюэ продолжал смотреть в книгу, хотя слова старика его ничуть не заинтересовали.

— Говоришь, что не будешь ходить вокруг да около, а сам болтаешь без умолку. Когда я отказывался тебе помогать? Говори быстрее, иначе я ничего слушать не стану.

— Ой-ой, не надо так, — старик наконец стал серьёзным. — Я недавно сделал предсказание. Оно гласит, что вскоре дом Юэ ждёт катастрофа, которая может привести к их полному уничтожению. И ты...

— И я, конечно же, стану поворотным моментом, — Цзян Есюэ оторвался от книги и посмотрел на старика с нескрываемым раздражением. — Старый хрыч, ты не мог придумать что-то поновее? С тех пор как я покинул Линьань, ты сколько раз уже использовал этот предлог, чтобы втянуть меня в свои дела?

Старик снова хихикнул, погладил свою седую бороду и сказал:

— Сяо Сюэ, я не шучу, в этот раз всё по-настоящему. В новолуние следующего месяца Мужун Чуи женится, и день его свадьбы станет переломным моментом для рода Юэ. Либо они придут в упадок, либо достигнут небывалого расцвета. Если в упадок — все их прямые потомки погибнут.

Он внимательно следил за реакцией Цзян Есюэ, но тот оставался равнодушным. Пришлось продолжать:

— Мы можем не вмешиваться во внутренние распри дома Юэ, но это не просто ссора. Ты — Хранитель приказа, это твой долг.

— Ладно, ладно. Если ты согласишься, я сделаю исключение и расскажу тебе кое-что. Это для тебя чрезвычайно важно.

Старик выставил своё последнее условие.

Услышав это, Цзян Есюэ наконец проявил интерес и кивнул:

— Хорошо. Но смотри, не обмани меня, иначе пожалеешь.

— Хе-хе-хе, Сяо Сюэ всегда так решителен! — старик снова залился смехом. Вдруг он что-то вспомнил и с любопытством спросил: — Сяо Сюэ, а ты не расстроен тем, что Мужун Чуи женится?

Цзян Есюэ тоже улыбнулся, но от этой улыбки атмосфера стала какой-то странной.

— Женится он или нет, разве это меня касается? Я что, ему чем-то обязан или обидел его?

Всякий раз, когда речь заходила о Мужун Чуи, его обычное спокойствие давало трещину.

На словах он твердил, что ему всё равно, но старик-хитрец прекрасно видел, что это не так. Он на мгновение замолчал, раздумывая, правильно ли поступил, доверив это дело Цзян Есюэ.

Впрочем, неважно. Тот человек всегда был для него особенным.

Переведя тему, старик спросил:

— Что там с Мэн Юцин?

— А что с ней может быть? Как обычно. Влюблённая девушка и бессердечный учёный — драма, которая повторяется из века в век, — Цзян Есюэ выглядел утомлённым и равнодушным.

«Когда я добьюсь успеха на экзаменах, я подарю тебе красные свадебные одежды на десять миль пути».

Сколько же подобных лживых обещаний давали бессердечные книжники за все эти века? Но даже зная, что это ложь, многие влюблённые девушки верили в эти красные одежды, верили в долгую жизнь вместе, верили в единственную любовь на всю жизнь.

По словам Цзян Есюэ, это было добровольным мучением: один обманывает, другой хочет быть обманутым.

У госпожи Мэн был возлюбленный детства. Их семьи жили по соседству, родители дружили и сговорились поженить детей. Они выросли вместе, их чувства были глубоки. Но однажды во время прогулки случилась беда: госпожа Мэн спасла своего возлюбленного, но изуродовала половину лица. Чувствуя вину, юноша стал относиться к ней всё лучше, но внимательный глаз заметил бы, что сама суть его чувств изменилась.

Позже он стал чиновником и, как обещал, взял её в жёны, но лишь в качестве наложницы. Его законной женой стала дочь знатного рода. Госпожа Мэн не роптала, не боролась, не соперничала. Она знала, что в его сердце не осталось той любви, и отпустила её, не желая причинять боль родителям. Его жена была доброй и мягкой женщиной, она хорошо относилась и к нему, и к ней.

Но юноше этого было мало. Он проводил ночи в борделях, расточая страстные признания каждой встречной, и в дом одна за другой входили новые красивые девушки.

Его жена в конце концов скончалась от тоски, а единственного человека, который хорошо относился к госпоже Мэн, выгнали из дома. Она не винила его в измене, она лишь хотела увидеть в его глазах хоть каплю привязанности к той, что была его женой. Хоть немного, лишь крупицу. Если бы эта искра существовала, она бы не стала вырезать весь дом, не загубила бы десятки жизней.

Став злым духом, она не вошла в цикл перерождений. Она возненавидела всех влюблённых и всех ветреных, она возненавидела всех новобрачных. Даже понимая, что другие ни в чём не виноваты, она была настолько измучена, что больше не могла чувствовать ни капли сладости — она не могла видеть ни чужого счастья, ни даже чужого горя.

<http://bllate.org/book/22459/2362194>